

*Л. К. Рябова**

«ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО» В СССР В ЭМИГРАНТСКОЙ АНАЛИТИКЕ 1970–1980-Х ГОДОВ**

Тема гражданского общества, прав человека была одной из ведущих в эмигрантской политической публицистике 1970–1980-х годов. Особое внимание этой проблеме стало уделяться после принятия в СССР конституции 1977 года. На страницах «Нового журнала», «Синтаксиса», «Континента» и других изданий публиковались выступления не только известных диссидентов и правозащитников — А. Д. Сахарова, А. И. Солженицына, В. К. Буковского и других знаковых фигур, но и менее известных, но часто весьма компетентных авторов. Статьи с критикой советской системы были востребованы на Западе, когда в условиях «холодной войны» идеологическое противостояние требовало информационной «подпитки» непосредственно из советских источников. Знакомство со статьями известных западных советологов в периодике 1970–1980-х годов показывает, что основными источниками при характеристике советской системы наряду с официальными партийными документами становились выступления диссидентов, чьи публикации обильно цитировались.

Ключевые слова: эмигрантская периодика, гражданское общество, СССР, брежневская эпоха, конституция 1977 года.

L. K. Ryabova

*“CIVIL SOCIETY” IN THE USSR
IN EMIGRANT ANALYTICS OF THE 1970s-1980s*

The theme of civil society and human rights was one of the main topics in émigré political journalism in the 1970s and 1980s. Particular attention was paid to this problem after the adoption of the 1977 constitution. Articles not only by well-known dissidents — A. D. Sakharov, A. I. Solzhenitsyn and other prominent figures were published on the pages of “Novy Zhurnal”, “Syntaxis”, “Continent” and other journals, but also by less well-known,

* Рябова Людмила Константиновна, кандидат исторических наук, доцент Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет; lryabova@spbu.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21–011–43080 «Советский Союз как цивилизация: от расцвета до заката».

but very competent authors. Articles critical of the Soviet regime were in demand in the West, when, in the conditions of the Cold War, ideological confrontation required information directly from Soviet sources. Acquaintance with the articles of famous Western sovietologists in the periodicals of the 1970s-1980s shows that the main sources for characterizing the Soviet system, along with official party documents, were the speeches of dissidents, whose publications were abundantly cited.

Keywords: emigrant periodicals, civil society, USSR, Brezhnev era, 1977 constitution.

Обращение к проблеме гражданского общества требует, прежде всего, определения тех смысловых границ, которыми оно должно быть очерчено. Имея длительную, с XVIII века, историю становления и развития, теория гражданского общества обретает особую актуальность во второй половине XX века. Вместе с тем становится очевидным отсутствие универсального его определения и необходимость относительного (во временном и цивилизационном контексте) его рассмотрения. Так, возникают определенные сложности при изучении и концептуализации гражданского общества в эпоху постсоциализма [17], требуется учитывать различие между гражданским обществом как социальным движением и социальным институтом [6], идеологические (либеральные и нелиберальные) его трактовки и другие факторы. Для эмигрантской же аналитики было характерно сведение этого понятия преимущественно к проблеме прав человека, поднятой в рамках диссидентского движения, хотя появлялись тексты, в которых давалась и более широкое его толкование. Другой же особенностью этих работ было сведение проблем гражданского общества к свойствам тоталитарного строя.

Из множества сторон «советской действительности», становившихся предметом критики на Западе, тема гражданского общества, «человека в государстве», привлекала наибольшее внимание аналитиков. Особенно остро она начала обсуждаться в связи с принятием новой конституции 1977 г., событием, нашедшим отражение в западных СМИ, эмигрантской периодике («Новом журнале», «Континенте», «Синтаксисе» и др.), а также в академических изданиях. До сих пор эта тема продолжает оставаться одной из ключевых и в современной российской и зарубежной историографии эпохи «позднего социализма». Самостоятельный интерес представляет компаративный анализ публикаций конца 1970-х — начала 1980-х гг. и 2000-х гг.

Как известно, широкий резонанс на Западе имели выступления известных диссидентов и правозащитников А. Д. Сахарова, А. И. Солженицына, В. К. Буковского и других, чьи речи, статьи, интервью теперь уже стали «классическими», и их идейное наследие, вклад в борьбу с советской властью достаточно полно отражены как в советологической литературе и современной русистике, так и в российской историографии. Вместе с тем наряду с хорошо известными деятелями оппозиции в зарубежной прессе и эмигрантских изданиях публиковались авторы, тексты которых также заслуживают внимания в силу достаточно значимого числа и ряда особенностей, отличавших их от яркой публицистики названных выше знаковых фигур.

Появление наиболее резонансных статей в западной прессе, как отмечалось выше, было вызвано принятием в октябре 1977 г. новой Конституции СССР. Первыми рефлексиями на это событие, наиболее яркими и эмоциональными,

равно как и предельно критическими, оказались публикации в эмигрантских изданиях. В частности, серия статей была опубликована в «Новом журнале» (продолжающееся издание), выходящем в Нью-Йорке с 1942 г. и накопившем к 1970–1980-м годам богатый «портфель» политической публицистики. Рубрику «Политика и культура» в осеннем номере журнала за 1977 г. открывала статья известного советолога, историка и диссидента А. Г. Авторханова с названием-диагнозом «Антиконституция СССР» [1]. Уже с самого начала автор исходил из тезиса о том, что в новой советской конституции ничего нового нет. «Над нею “проработали” почти два десятилетия (впервые о ней заговорил Хрущев в 1959 г. на XXI съезде). Работали, как говорил Л. Брежнев, “не спеша”. Работали главным образом ножницами и клеем — резали куски из Программы партии Хрущева и приклеивали их к кускам из конституции Сталина. В результате по выражению “Нойе Цюрхер Цейтунг”, — гора родила мышь!» [1, с. 179]. Советский основной закон определялся в статье не как юридический акт, а как политический документ, в котором узаконена тоталитарная концепция «слияния властей» вместо теории «разделения властей» современного правового государства и в котором определен примат государства над правом. Анализируя текст конституции, Авторханов констатирует также «узаконение диктатуры партии», интеграцию народов вместо федерализма, «антиконституционную действительность», сведение «на нет» прав и свобод граждан при формальном увеличении числа этих прав: «...Сталин в своей конституции давал советским гражданам всего лишь “десять прав и свобод”, а вот Брежнев их увеличил в два раза — они имеют теперь целых двадцать!» [1, с. 191]. Из статьи следует, что гражданского общества в СССР нет и быть не может, и если в западных конституциях «государство для человека», то в советской конституции — «человек для государства» [1, с. 192]. Несколько позже, в 1979 г., в издательстве «Посев» была опубликована работа Авторханова «Сила и бессилие Брежнева» [2], куда вошла и эта статья.

Тема была продолжена в помещенной в этом же номере статье В. Зубова (псевдоним эмигрировавшего в 1975 г. диссидента, литератора и публициста В. В. Енютина. — Л. Р.) «Разрушение государственного сознания в СССР» [9], в которой автор отрицал не только существование в стране гражданского общества, но и «общественности» как таковой. Тезис о том, что СССР всё более становится обществом без общественности, чистым государством, «в отличие от которого тоталитарное общество всё же — общество», стал доминантой текстов Зубова.

Карьерный и профессиональный фанатизм, крайности пьянства, гипертрофированное самоутверждение и чувство соперничества в человеческих отношениях, обилие «чудаществ» — чрезмерного увлечения частностями жизни, например, каким-нибудь хобби, наконец, фанатизм творческой работы (все советские достижения в науке и технике, в искусстве, в спорте — обязаны этому нечеловеческому надрыву, жертвы собой молоху того или иного частного дела) — вот проявления гипертрофии локальных сфер из-за невозможности для людей безбоязненно интересоваться общими. <...> Так и живёт советское государство, живёт без общественности, формально скреплённое, человеческое сообщество без души [9, с. 232, 234].

Отдельной темой проходит мысль об ощущении у советского человека глубокой внутренней неудовлетворённости.

Последняя может быть скрыта и от него, и от окружающих, и может выявиться только при очень глубоком личном контакте (к которому советские люди вообще не приспособлены и от которого панически шарахаются, будучи при поверхностном общении способны произвести впечатление приятных и умиротворённых, на что «клюют» легковёрные американские туристы) [9, с. 234].

Этот пассаж автора невозможно оставить без комментария, ибо он находится в полном противоречии (сознательном, надо полагать, в противном случае это просто признак невежества) с базовыми представлениями о ментальных свойствах народа, хорошо известных в том числе и на Западе. Относительно «легковёрных американских туристов» следует заметить следующее. Значительное число американских «советологов», а потом русистов, при этом весьма известных, в 1970–1980-х годах работали над своими исследованиями непосредственно в СССР, имея возможность не просто общаться с советскими людьми, но и с головой погрузиться в советскую повседневность. Критика системы в их трудах, однако, не сопровождалась теми характеристиками, которые зачастую давались советским людям уехавшими из страны, в данном случае В. Зубовым. Современная исследовательница А. С. Крымская проделала впечатляющую по объёму работу, в которой на основе анализа воспоминаний, интервью и отчетов американских стажеров, побывавших в 1958–1978 гг. в советских университетах, отобразила процесс восприятия западным человеком советского образа жизни [11]. Разнообразные по оценкам советской действительности и вниманию к тем или иным деталям жизни, эти суждения, тем не менее, не оставляют сомнения в признании американцами определенных достоинств советской ментальности и человеческих отношений, что очень точно было выражено в одном из текстов: «В то время как американцы охраняли свою частную жизнь и бессознательно нормировали свое время, выделенное для тех, кто находился за пределами семьи, русские, казалось, были вовлечены в бесконечную сеть человеческих отношений и взаимной поддержки, как физической, так и интеллектуальной» [11, с. 136].

Безусловно, мы не можем абсолютизировать эти оценки и представлять их как принадлежащие всем изучавшим или наблюдавшим Россию. В западных изданиях и СМИ публиковалось достаточно травелогов и журналистских зарисовок, изображавших реалии советского быта брежневской эпохи и типаж *homo sovieticus* в самых мрачных тонах. Достаточно и советологических сочинений, выстраивающих неприглядный образ социума в целом, базирующийся как на устойчивых стереотипах, сложившихся еще несколькими веками ранее, так и на новейших методологиях. Крайне странными, например, выглядят суждения американского литературоведа-русиста и культуролога Д. Ранкура-Лаферрьерера, изучающего русских/советских людей методами психоанализа [15; 16]. Не менее странной кажется и мысль упоминавшегося выше В. Зубова, заявившего в статье «Собаки в СССР», что «советский человек ищет существо, которое бы терпело полный над собой контроль, и часто предпочитает заводить собак, чем детей. Впечатление такое, что люди пытаются компенсировать

собственную малость и бесправие в социальной жизни абсолютной властью над собственной собакой», проигрывая таким образом в отношениях с собакой «одновременно обе позиции тоталитарных отношений — повелителя и раба» [10, с. 231]. Увлечение собаками («собачий карьеризм») вызвано тем, что советские люди не знают «тайнства непосредственного общения друг с другом», что есть одна из глубоких особенностей советского человека.

Вместе с тем нельзя не признать и определенную, а иногда безусловную, компетентность ряда авторов, занимавших до своего отъезда из СССР весьма высокие должности в экономическом, военно-промышленном, аграрном и других секторах, а потому публиковавших довольно серьезные тексты. Одним из таких специалистов был эмигрировавший в 1971 г. (стал невозвращенцем) и работавший затем в Великобритании в Кембриджском университете советский ученый-физик А. П. Федосеев. В 1976 г. в издательстве «Посев» вышла его книга «Западня. Человек и социализм» [19], в которой автор обнаружил глубокое понимание механизма функционирования советского «позднего социализма». Автобиографическая канва «кавалера орденов Ленина, Трудового Красного Знамени; лауреата Ленинской премии; доктора наук; члена президиума междудеPARTMENTального координационного совета; члена президиума научно-технического совета НИИ; члена ученых советов нашего НИИ, МЭИ, Института электронного машиностроения и нескольких других; члена экспертной комиссии высшей аттестационной комиссии; председателя конструкторской секции НТС НИИ; начальника привилегированной лаборатории; главного конструктора и научного руководителя длинного ряда важнейших правительственных работ» [19, с. 198] воспроизводит не только опыт научной деятельности, но и практики управления и соприкосновения с властью. Этот опыт в совокупности с логикой ученого привели А. П. Федосеева к «пониманию сущности социализма», которая и была проанализирована им во второй части книги («Что такое социализм?»), дополненной схемой «Логическая структура развития социализма».

Отдельного внимания заслуживает вышедшая в 1980 г. в Лондоне объемная работа А. П. Федосеева под названием «О новой России. Альтернатива» [22], в которой был прописан проект новой Конституции России, а также представлен «Проект перехода от социализма к Новой России». Этот переход, полагал автор, должен состояться в результате переворота.

Трудно представить себе, как произойдет начало переворота в СССР. Во всяком случае, автор себе этого не представляет. Пожалуй, наиболее удобной формой было бы нечто, вроде дворцового переворота, когда, скажем, группа молодых, активных и демократически (антимарксистки и антисоциалистически) мыслящих людей пробивается к власти и захватывает ее. Конечно, в условиях советского отбора кадров в высший аппарат, это маловероятно, однако, возможно [22, с. 313].

Время начала переворота, отмечал Федосеев, имеет существенное значение. «Хотелось бы начать в феврале-марте, так как впереди будет довольно длинный период лета и осени, в течение которого население может легче переносить неожиданные и вероятные осложнения» [22, с. 317]. Дальнейший ход преобразований (чтобы не сказать «перестройки». — Л. Р.) должен пройти, по мнению ученого,

в несколько этапов (четыре этапа, сопровождаемые несколькими Декретами). Первый этап, «сразу после захвата власти», должен будет начаться с некоего «Воззвания», публикуемого по радио, телевидению, в газетах. Этот любопытный фрагмент книги достоин воспроизведения, поскольку, с одной стороны, отражает сознание человека своего времени, а с другой — позволяет сопоставить диссидентское видение будущего с реальным его воплощением в 1980–1990-х годах.

ВОЗЗВАНИЕ

Дорогие граждане!

Новый состав Политбюро пришел к выводу, что настала пора реальных реформ, целью которых является следующее:

1.1 Постепенное возвращение каждому гражданину свободы жить и устраивать свою жизнь так, как он хочет сам, а не по указке сверху. Конечно, не во вред другим гражданам!

1.2 Постепенно ликвидировать централизованное планирование, развить самостоятельность всех граждан и придти к обществу, в котором право гражданина «весит» не меньше, чем право государства, партии, профсоюза, а в определенных вопросах — значительно больше. К обществу, в котором государство является слугой, а не хозяином и, к тому же, плохим.

Новый состав Политбюро опубликует в период 2–4 лет проект новой Конституции, за или против которой может свободно и тайно голосовать каждый гражданин СССР в будущем референдуме.

Новый состав Политбюро опубликует в период 2–4 месяцев список обязанностей, которые должны выполнять свои прежние обязанности впредь до соответствующего указания. Это необходимо для того, чтобы произвести необходимые преобразования постепенно, не нарушая порядка.

Конечно, не может быть коренных преобразований, которые бы не потребовали определенных жертв и лишений от населения или от определенных групп населения. Однако, хаос может все это чрезвычайно усугубить. Новый состав Политбюро поэтому просит всех граждан СССР содействовать всеми силами проведению давно необходимых преобразований организованно, в порядке, к пользе каждого и нашей великой страны в целом [22, с. 317–318].

Что же касается проекта Конституции, предлагаемого Федосеевым, то обращает на себя внимание характер его составления «от противного», т. е. все ограничительные и запретительные законы или же реалии жизни (запрет на выезд за рубеж, на распространение информации и литературы и т. д.) прописывались особо. Первый раздел Конституции, «Права и обязанности граждан», по сути, воспроизводил идеальное гражданское общество. Специальный раздел был посвящен «мерам против чрезмерной концентрации власти над людьми». Здесь же нужно заметить и «синдром усталости» от руководящей роли партии. Изучивший государственный строй европейских стран, Федосеев заключает, что «многопартийный хрен оказывается не слаще однопартийной редьки», а поэтому в будущей России следует учесть «этот урок» и установить вместо однопартийной или многопартийной беспартийную систему, которая была бы прописана в Конституции вместе с Верховным Судом для гарантии сохранения последней.

Не меньший интерес представляют многочисленные публицистические статьи А. П. Федосеева в эмигрантских журналах, которые перепечатывались

и в западных СМИ. Тема подавления социализмом как системой творческой личной свободы людей, страдающих от «диктата многочисленных хозяев в виде чрезмерных государства, партии, профсоюзов, корпораций», оставалась одной из ведущих в его аналитике советского общества [20; 21].

Тема «разрушения государственного сознания в СССР» была одной из доминантных в эмигрантской политической мысли. В различных аспектах она развивалась в публикациях издательства «Хроника» (Нью-Йорк), в частности в сборнике «Самосознание», в котором были помещены довольно серьезные статьи (в том числе советологов, например Р. Пайпса). Обращает на себя внимание объемная статья Дм. Нелидова (псевдоним) «Идеократическое сознание и личность», в которой автор показал советское общество как потребительское, но в отличие от западного здесь предмет потребления — идеология, порождающая «двоемыслие», ведущее, в свою очередь, к деформации сознания. Государство в СССР держится «на массовом идеократическом сознании, которое, из каких бы противоречий оно ни состояло, в принципе внутренне цельно и непротиворечиво, ибо совершенно замкнуто. Уже элементарная рефлексия, т. е. некоторое отражение этих противоречий, говорит об эрозии такого сознания» [14, с. 142].

Серьезное внимание западных аналитиков и спецслужб было уделено публикациям советского экономиста И. Я. Бирмана, эмигрировавшего в США в 1974 г. и ставшего там признанным экспертом, опубликовавшим на Западе несколько книг и многочисленные статьи и работавшим, в том числе консультантом Пентагона по советской экономике. Оценка его трудов дана, например, известным американским историком-русистом М. Малиа, отметившим включенность советских специалистов в обсуждение состояния экономического потенциала СССР:

Однако, как и в предшествующие годы, раздавались несогласные голоса. Они исходили в основном от бывших советских граждан, которые, несмотря на отсутствие методологического лоска, обладали непосредственным опытом жизни в советской системе периода брежневского «развитого» или «реального» социализма. Наиболее заметен среди них был И. Бирман. Одним из его главных аргументов было то, что американское академическое сообщество и ЦРУ не приняли во внимание не только ненадежность советской статистики, но и, что даже более важно, низкое качество всего советского национального продукта [12].

Экономическую ситуацию в стране Бирман связывал с состоянием общества в целом. Рассматривая возможные пути выхода из кризисного положения («застоя»), Бирман не исключал допущение в Советском Союзе капиталистической экономики.

И, если всерьез принять такой курс, он потребует очень длительных и болезненных усилий. Капитализм без капиталистов — нонсенс, значит, должна появиться национальная буржуазия, а процесс ее создания, так называемое первоначальное накопление, никогда не выглядел привлекательным. Нет людей, умеющих хозяйствовать по-капиталистически, нет соответствующих институтов, нет для этого и многих других условий. Вместе с тем уместно сказать, что, как это ни парадоксально выглядит, само по себе создание капиталистической экономики вполне сочетается с тоталитарной политической властью... [3, с. 290].

Экономист отмечает «централизаторские настроения» в руководящих сферах, поскольку есть угроза того, что «либерализация экономики» поведет к общей либерализации в стране, что создаст для режима непосредственную политическую угрозу, и очевидно, что усиление централизации должно будет сопровождаться общим политическим «зажимом». Статьи И. Бирмана публиковались и в западной прессе, в частности в «Вашингтон Пост», а также в эмигрантских сборниках [4].

Проблемы свобод и гражданского общества были рассмотрены эмигрантскими авторами в различных областях. В 1978 г. в Нью-Йорке вышло написанное в СССР исследование известного историка А. М. Некрича «Наказанные народы», посвященное истории переселения народов — крымских татар, калмыков, народов Северного Кавказа [13]. Вместе с этим Некрич затрагивает конфликтные ситуации 1970-х годов, которые отражают, по заключению автора, крайне слабую «обратную связь» между народами и государством. Теперь уже стала хорошо известна и вышедшая впервые в Лондоне в 1982 г. написанная совместно с М. Я. Геллером «Утопия у власти».

В этом же 1978 г. в США вышла публиковавшаяся ранее в самиздате книга известного физика и правозащитника В. Ф. Турчина «Инерция страха», жанр которой можно определить как социальную философию [18]. Среди многих сторон советской действительности, которые анализирует автор, проблеме гражданского общества, прав человека, свободы личности уделено особое внимание. «Проблема основных прав личности стоит особняком, это начало всех начал» [18, с. 236]. Под основными правами личности Турчин понимал права, выраженные в четырех статьях Всеобщей декларации прав человека ООН, принятых, в частности, и организацией «Международная Амнистия». Турчин также предлагает свой вариант демократических преобразований в стране, который достаточно схож с проектом конституции А. П. Федосеева.

Заметным явлением на Западе в политическом дискурсе 1970-х гг. стали выступления А. А. Зиновьева, в которых политический строй СССР, в том числе и конституционные основы, были подвергнуты жесткой критике. В 1978 г. философ заключал: «Известно, что в Советском Союзе отсутствуют гражданские свободы. Не нарушаются, а именно отсутствуют» [7, с. 6]. Позже, рассуждая о проблемах гражданского общества, А. А. Зиновьев меняет смыслы его бытования в истории, а также замечает, что о гражданском обществе в России говорится и печатается довольно много, но при этом отсутствует ясность и понимание того, что это такое — гражданское общество.

Гражданское общество не есть нечто единое и организованное целое. Это именно совокупность отдельных объединений людей, в той или иной мере организованных по отдельности. Между ними могут быть различные отношения. Но гражданское общество как организованное целое в принципе немислимо, поскольку в него включаются объединения, имеющие различные и даже враждебные интересы. Причем, гражданское общество (в этом смысле слова) создается вовсе не для примирения враждующих сторон и не для нахождения компромиссов, а именно как социальная среда, в которой могут возникать и существовать конфликтующие явления. Гражданское общество возникает в рамках законности. И упомянутые конфликты не выходят за эти рамки. Демократическая законность

характеризуется, в частности, и тем, что она допускает такие конфликты. И даже допускает конфликты отдельных явлений гражданского общества с государственной властью. Но при всех обстоятельствах гражданское общество не превращается в часть системы власти и управления и даже в нечто прислуживающее этой системе [8].

Гражданское общество, продолжает философ, послужило важнейшим орудием западного мира в «холодной» войне, причем его достоинства сильно преувеличивались. С окончанием «холодной» войны в западном мире произошёл эволюционный перелом, и «надобность в раздувании гражданского общества отпала» [8]. В своем последнем «социологическом» романе «Русская трагедия» (1999), размышляя о том, что называется обществом социальной справедливости, А. А. Зиновьев определял его как общество, в котором в качестве всеобщих значимых приняты и утверждены законодательно вполне определенные нормы, а именно социальные гарантии и права граждан.

Рассматривая аналитику зарубежных и главным образом эмигрантских авторов, следует отметить отсутствие единой трактовки понятия «гражданское общество», следование терминологии, заимствованной из политической истории и практики стран Запада, перенесенной на «советскую почву». В последние годы на фоне серьезного переосмысления эпохи «позднего социализма» много говорится и о гражданском обществе. Известный российский социолог О. Н. Яницкий полагал, что гражданское общество — это «прежде всего люди, их моральные устои, мотивация, профессиональные качества, а потом уже институты и организации». Идеал гражданского общества — «это когда все население работает, когда его труд является общезначимой социальной ценностью». В соответствии с этим критерием О. Н. Яницкий заключает, что гражданское общество в 1970-е годы существовало и функционировало, хотя и в присущих тому периоду социальных формах и рамках. В качестве примеров он приводит наиболее мощное и длительное протестное общественное движение 1970-х годов движение в защиту Байкала против строительства поблизости от него целлюлозно-бумажного комбината и ряда других промышленных предприятий; бесчисленные экологические и ландшафтные комиссии в Союзе архитекторов СССР, НИИ градостроительства, движение советской интеллигенции за сохранение объектов культурного наследия, за сохранение природы и среды обитания человека и многое другое, что свидетельствовало о гражданском активизме [23].

Круг авторов, чьи работы затрагивали проблемы гражданского общества, был достаточно широк. Книги В. В. Белоцерковского, М. С. Восленского, В. Н. Чалидзе, А. Л. Янова и ряда других эмигрантских писателей стали известны за рубежом и востребованы в советологической литературе и затем в политологической мысли периода перестройки.

Говоря о публикациях эмигрантов, нужно заметить, что, как правило, критика советского строя в них была значительно более жесткая и непримиримая, чем в статьях западных аналитиков, а аргументация и «доказательность» выглядели довольно убедительными, даже если они и вызывали определенные сомнения. В данном случае не так важна достоверность приводимых ими сведений, статистических данных и, соответственно, проверка и критика ис-

точников, на которых строилась та или иная концепция. Это, скорее, задача специалистов в каждой из затрагиваемых авторами областей: экономики, финансов, военного потенциала, культуры, уровня жизни, потребления и т. д. Важно другое — востребованность подобных текстов на Западе в условиях «холодной войны» (даже в период разрядки), когда идеологическое противостояние требовало информационной «подпитки» непосредственно из советских источников. Знакомство со статьями известных западных аналитиков-советологов (Р. Такер, С. Толботт, У. Дж. Хайланд и др.) в газетной и журнальной периодике 1970–1980-х годов показывает, что основными источниками при характеристике советской системы, наряду с официальными партийными и советскими документами, становились выступления диссидентов, чьи публикации обильно цитировались. При этом убедительно выстроенный в них негативный образ страны компенсировал возможную недостоверность сообщаемого. Тексты без ссылок на источники, но написанные эмоционально, воспроизводившие даже очень частное восприятие советской действительности, были достаточно распространены на страницах эмигрантской периодики и востребованы на Западе.

Вместе с тем необходимо признать и другое значение и роль эмигрантской/диссидентской литературы 1970–1980-х годов. При всей крайней степени ее критичности, деструктивной направленности и отрицании определенных положительных качеств советской системы эпохи «позднего социализма», она содержала в себе теории и концепции, которые развивали политическую науку. И здесь нужно согласиться с тезисом российского политолога В. И. Буренко о том, что «диссидентское измерение процесса становления политической науки, осуществлённое на основе реконструкции политических и политологических произведений, позволяет выделить самостоятельное, диссидентское направление в структуре политической мысли и науки того времени» [5, с. 6]. Последующее развитие в России не только политологии как науки, но политических практик доказало как значимость критики и основательность прогнозов, так и несостоятельность ряда концепций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авторханов А. Антиконституция СССР // Новый журнал. — 1977. — Кн. 128. — С. 179–197.
2. Авторханов А. Сила и бессилие Брежнева. Политические этюды. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1979. — 328 с.
3. Бирман И. Экономическая ситуация в СССР // Континент. — 1981. — № 28. — С. 259–300.
4. Бирман И. Противоречивые противоречия // Внутренние противоречия. Сборник статей / под ред. В. Чалидзе. — Вып. 1. — Нью-Йорк, 1981.
5. Буренко В. И. Отечественная политология: диссидентское измерение // PolitBook. — 2020. — № 4. — С. 6–27.
6. Волков В. Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et contra. — 1997. — Т. 2. — № 4. — С. 77–91.
7. Зиновьев А. А. За что боролись, на то и напоролись (Из выступления в Клубе Интеллектуалов в Париже 30.11.1978) // Синтаксис. — 1979. — № 3. — С. 6–17.

8. Зиновьев А. А. Проблема гражданского общества. — URL: <http://www.zinoviev.ru/ru/articles/zinoviev-obshhestvo.html> (дата обращения: 16.10.2022).
9. Зубов В. Разрушение государственного сознания в СССР // Новый журнал. — 1977. — Кн. 128. — С. 224–234.
10. Зубов В. Собаки в СССР // Новый журнал. — 1978. — Кн. 130. — С. 229–239.
11. Крымская А. С. Советский образ жизни глазами американских стажеров 50–70-х гг. XX века: из воспоминаний и интервью // Новейшая история России. — 2013. — № 2. — С. 125–139.
12. Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии. — URL: http://fedu-diary.ru/?page_id=5814 (дата обращения: 16.10.2022).
13. Некрич А. М. Наказанные народы. Нью-Йорк: Издательство «Хроника», 1978. — 170 с.
14. Нелидов Дм. [псевд.] Идеократическое сознание и личность // Самосознание. Сборник статей. — Нью-Йорк: «Хроника», 1976. — С. 117–151.
15. Ранкур-Лаферрьер Д. Россия и русские глазами американского психоаналитика: В поисках национальной идентичности / пер. с англ. А. П. Кузьменкова. — М.: Ладомир, 2003. — 287 с.
16. Ранкур-Лаферрьер Д. Рабская душа России: проблемы нравственного мазохизма и культ страдания. — М.: Арт-бизнес-центр, 1996. — 303 с.
17. Салменниemi С. Теория гражданского общества и постсоциализм // Журнал исследований социальной политики. — 2009. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-grazhdanskogo-obshchestva-i-postsotsializm> (дата обращения: 16.10.2022).
18. Турчин В. Ф. Инерция страха. Нью-Йорк: Издательство «Хроника», 1978. — 296 с.
19. Федосеев А. П. Западня. Человек и социализм. Frankfurt/M.: «Посев», 1976. — 372 с.
20. Федосеев А. П. Советский уровень жизни через полвека социализма // Новый журнал. — 1977. — Кн. 126. — С. 218–237.
21. Федосеев А. П. Дела советские // Новый журнал. — 1979. — Кн. 136. — С. 163–178.
22. Федосеев А. П. О новой России. Альтернатива. — London: Overseas publications interchange LTD, 1980. — 335 с.
23. Яницкий О. Длинные 1970-е: гражданское общество тогда и сейчас // Неприкосновенный запас. — 2007. — № 2 (52). — URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/2/dlinnye-1970-e-grazhdanskoe-obshhestvo-togda-i-sejchas.html> (дата обращения: 16.10.2022).